

MARGARITA NADEL-CZERWIŃSKA

Силезский университет в Катовице
Филологический факультет

Тема охоты в текстах песен Владимира Высоцкого

Для Владимира Высоцкого тема охоты была невероятно актуальна на протяжении всей его жизни. Сам он охотником не был и был противником любого вида убийства какого бы то ни было живого существа. Так, в тексте *Я не люблю...* звучит следующее выразительное признание: *“Я не люблю, когда стреляют в спину. Я против также выстрелов в упор...”* Данный текст имеет в исполнении автора множество существенно различающихся вариантов, в том числе по цензурным соображениям, однако эта фраза всегда остается неизменной¹.

Здесь и далее мы цитируем тексты Высоцкого по известным нам прижизненным магнитофонным записям его выступлений, как в разных аудиториях, так и в узком кругу, из которых только некоторые зафиксированы пластинками студии “Мелодия”, а затем опубликованы на четырех CD². Пользоваться посмертными книжными изданиями поэта невозможно, поскольку все они нещадно подвергнуты постсоветской цензуре с целью “сгладить” их остроту и резкость неприятия существующей действительности, а потому с целью сознательно исказить смысл печатаемых произведений. Отметим также, что к созданию этих книг вообще не была допущена вдова поэта Марина Влади, которая обладает, будучи единственной наследницей, авторскими правами на творчество Вл. Высоцкого, что Россия не желает признать.

¹ См. на следующих сайтах: <http://kacmanat.ru/vsv/vvtxt/67.1.htm>; <http://vv.uka.ru>; <http://www.kulichki.com/masha/vysotsky/> (дата обращения: 10.10.2017)

² <https://books.google.pl/books?isbn=545751403X>; <https://v-vysotsky.com/>; <https://v-vysotsky.com/links1.html>; lib.ru/WY SOCKIJ/ дата обращения: 10.10.2017).

Актуальность данной темы (*охота*) для Владимира Высоцкого вполне понятна и закономерна. О его жизненной ситуации свидетельствуют сами его песни. Детство в тени сталинизма. Нищета и отсутствие перспектив для поколения поэта. Эхо недавней войны и реальность советских лагерей. Милицейские протоколы и преследование со стороны КГБ. Поэт попадает в разряд “неблагонадежных”, “невъездных”, а затем “диссидентов”, его песни запрещены как “антисоветчина”. Так в поэтическом сознании появляются знаки семантического равенства: свободолюбивый человек = загнанный зверь, которого расстреливают в упор, а Страна Советов для него = запертая клетка.

Поскольку анималистическая тема весьма широко и разнообразно представлена в песнях Вл. Высоцкого, остановимся только на нескольких текстах, непосредственно касающихся *охоты на зверя*. Это, прежде всего, *Охота на волков*, *Конец охоты на волков* (она же *Охота с вертолетов*, или *Где вы волки?*), *Охота на кабанов*, а также *Прошла пора вступлений и прелюдий* (*Меня к себе зовут большие люди, чтоб я им спел Охоту на волков*).

Большой интерес для ассоциативного и семантического языкового анализа представляют также тексты, в которых появляются метазнаки *лебедь*, *лебедь белая* (= возлюбленная) и *лебединая песня* (*пара лебедей*). Любовь настоящая, чистая, которую *охотники* расстреливают в упор. Эта тема также перекликается с песней *Расстрел горного эха*. Однако данный вопрос требует отдельного рассмотрения в будущем.

Анализируемые далее тексты Вл. Высоцкого цитируются нами по материалам сайта <http://kacmanat.ru/vsv/vvtxt/67.1.htm> (дата обращения: 10.10.2017).

Баллада о коротком счастье (*Трубят рога: скорей! скорей!...*) была написана Высоцким для советского фильма 1975-го года «Стрелы Робин Гуда» (режиссер Сергей Тарасов, на основе английских средневековых баллад). Заметим также то, что в 1982 году с некоторыми актерами из того же состава и тем же режиссером был снят фильм «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго» по мотивам романа Вальтера Скотта *Айвенго*³. В фильм, снимавшийся уже после смерти актера, вошли в полном объеме песни, написанные к первой ленте, но не допущенные цензурой. И в этот раз они уже прозвучали в оригинальном исполнении автора.

Баллада о двух погибших лебедях (1975)

*Трубят рога: скорей, скорей! –
И копошится свита.
Душа у ловчих без затей,
Из жил воловьих свита.*

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Стрелы_... (дата обращения: 10.10.2017).

*Ну и забава у людей –
Убить двух белых лебедей!
И стрелы ввысь помчались...
У лучников наметан глаз, –
А эти лебеди как раз
Сегодня повстречались.*

*Она жила под солнцем – там,
Где синих звезд без счета,
Куда под силу лебедям
Высокого полета.*

*Ты воспари - крыла раскинь –
В густую трепетную синь.
Скользи по божьим склонам, –
В такую высь, куда и впредь
Возможно будет долететь
Лишь ангелам и стонам.*

*Но он и там ее настиг –
И счастлив миг единый, –
Но может, был тот яркий миг
Их песней лебединой...*

*Двум белым ангелам сродни,
К земле направились они –
Опасная повадка!
Из-за кустов, как из-за стен,
Следят охотники за тем,
Чтоб счастье было кратко.*

*Вот утирают пот со лба
Виновники паденья:
Сбылась последняя мольба –
“Остановись, мгновенье!”*

*Так пелся вечный этот стих
В пик лебединой песне их –
Счастливецв одночасья:
Они упали вниз вдвоем,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья.*

Уже в самом начале текста песни Вл. Высоцкий дает резкую психологическую характеристику охотников: *Душа у ловчих без затей, // Из жил во-*

ловых свита. При этом охотники (лучники) в своем деле умелы и опытны, более того – они гордятся своей меткостью: *У лучников наметан глаз...*, а также: *Из-за кустов, как из-за стен, // Следят охотники за тем, // Чтоб счастье было кратко.* Они, тайно сидя в засаде (*из-за кустов, как из-за стен*) и выслеживая как дичь, как объект потенциальных выстрелов, *пару влюбленных (= пару лебедей)*, олицетворяют в тексте нечеловеческую подлость и представляются в результате как бы профессиональными убийцами.

Охотники остаются довольными результатами своей «работы»: *Вот утирают пот со лба // Виновники паденья...* Подлое дело сделано – влюбленные (*счастливицы одночасья*) застрелены, уничтожены, убиты: *Они упали вниз вдвоем, // Так и оставшись на седьмом, // На высшем небе счастья.* Тем самым, подлое «охотничье» дело естественным образом ассоциируется у поэта с постоянной слежкой, преследованиями со стороны работников КГБ самого Вл. Высоцкого, запрещенного в СССР поэта, и его жены, актрисы-француженки.

В России сам такой брак (со знаменитой актрисой и иностранкой) должен восприниматься как некое ирреальное чудо, поскольку она «оттуда», из-за рубежа, «из-за кордона»: *...Она жила под солнцем – там, // Где синих звезд без счета, // Куда под силу лебедем // Высокого полета.* Марина принадлежит далекому недостижимому миру, для обитателей тоталитарного «беспредела» несбыточному. И само это чудо встречи двух любящих сердец (*пары больших белоснежных птиц*) воспринимается поэтом так: *...А эти лебеди как раз // Сегодня повстречались...*

Будучи долгие годы в своей собственной стране *поднадзорным*, т.е. находясь постоянно у служб государственной безопасности на учете, «под колпаком» (*persona non grata*), опальный поэт не только позволяет себе в песенных текстах откровенно высказывать все, что думает и считает по поводу советской истории и действительности (*...что хотел, то сказал...* – как говорится им в другой песне), но нарушает также один из главных законов этой страны, запрет на какие-либо контакты с иностранными гражданами.

От более жестких репрессивных мер Вл. Высоцкого спасает лишь брак с Мариной Влади. В данном случае КГБ боится большого международного скандала, что, однако, не мешает постоянно преследовать поэта и его жену внутри СССР: *Ну и забава у людей – // Убить двух белых лебедей! // И стрелы ввысь помчались...* Однако, вопреки всему, миг счастья наступил, а в контексте жестокой советской темы *охоты (на людей и вольных красивых птиц)* это был как бы *глоток свободы* в злом несвободном мире, за которым уже не может быть ничего: *Сбылась последняя мольба – // “Остановись, мгновенье!”*

Тем самым, в тексте все побеждает Природа – природа Любви и природы самой Жизни: *Ты воспарь – крыла раскинь – // В густую трепетную*

синь. // Скользи по божьим склонам, – // В такую высь, куда и впредь // Возможно будет долететь // Лишь ангелам и стонам. В то же самое время вырваться «туда», за пределы конкретной неблагоприятной действительности, т.е. за пределы тоталитарного бытия, реальной возможности у птиц нет, а потому момент слияния любящих душ становится одновременно и завершающим аккордом торжества Дикой Природы: *Но он и там ее настиг – // И счастлив миг единый, – // Но может, был тот яркий миг // Их песней лебединой...*

Лебединая песня воспринимается в тексте Вл. Высоцкого как пронзительная нота симфонии совместного Конца, как торжество неизбежной Смерти – Любви и Влюбленных. Но последние, казалось бы, сами виноваты в таком завершении своего свободного, но прерванного полета, поскольку те *...Двум белым ангелам сродни, // К земле направились они – // Опасная повадка!...* В данном, враждебном любым проявлениям свободы мире, даже минутная утрата настороженной бдительности грозит несчастьем и оборачивается печальным концом.

Всемогущее Зло побеждает. Слишком много в этом жестоком – советском – мире есть желающих уничтожить прекрасное чувство, растоптать чужую любовь, прервать краткий миг лебединого счастья, – *охотников* (во всех смыслах этого слова) множество. Сколько сидит в засаде в кустах пристальных *наблюдателей*, так называемых *топтунгов*! Сидит в кустах – не только в переносном, но и в буквальном смысле (достаточно вспомнить аналогичную сцену в фильме Агнешки Холланд «Убить ксендза»). Поэтому фраза Высоцкого *Из-за кустов, как из-за стен, // Следят охотники за тем, // Чтоб счастье было кратко...* воссоздает вполне реальную жизненную ситуацию. Возле него самого всегда находится тот или иной, как поется в песнях, *человек в штатском...*

Охотники и азарт охоты, преследование очередной жертвы, у которой нет ни выбора, ни выхода, которая в тоталитарном государстве всегда обречена – на боль, страдание, безысходность и практически обречена на заклятие. *Охотники и азарт охоты* – регулярная тема в текстах песен Высоцкого, хотя и проецируется автором в самых разных образах в, казалось бы, часто таких внешне не похожих жизненных ситуациях.

Азарт охоты – на птицу либо на зверя – дает в поэтических текстах Вл. Высоцкого вечную семантическую оппозицию *преследователь – жертва*, что может в его песнях реализоваться не только как *охотник – зверь* (*загнанный, раненый, убиваемый*), но и как иные оппозиционные лексические пары: *стреляющий – убитый, прокурор – осужденный, охранник – заключенный, стукач – арестованный по доносу, антисемит – еврей*, а также любые другие формы: *преследователь – преследуемый, субъект слежки – объект слежки, кагэбэзник – рядовой гражданин* и прочие. Именно в данном контексте вполне закономерно для поэта в песнях появляется семантичес-

кое тождество *человек = зверь*. И *зверь* ассоциируется при этом с *человеком* вообще и конкретно – с авторским «Я».

Следующий текст, на котором мы хотели бы остановиться, посвящен *охоте на зверя* в несколько неожиданном для Высоцкого повороте:

Охота на кабанов (1970)

*Грязь сегодня еще непролазней,
Сверху мразь, словно бог без штанов, –
К черту дождь – у охотников праздник:
Им сегодня стрелять кабанов.*

*Били в ведра и гнали к болоту,
Вытирали промокише лбы,
Презирали лесов позолоту,
Поклонялись азарту пальбы.*

*Егерей за кровожадность не пинайте,
Вы охотников носите на руках, –
Любим мы кабанье мясо в карбонате,
Обожаем кабанов в окороках.*

*Кабанов не тревожила дума:
Почему и за что, как в плену, –
Кабаны убежали от шума,
Чтоб навек обрести тишину.*

*Вылетали из ружей жаканы,
Без разбору разя, наугад, –
Будто радостно бил в барабаны
Боевой пионерский отряд.*

*Егерей за кровожадность не пинайте,
Вы охотников носите на руках, –
Любим мы кабанье мясо в карбонате,
Обожаем кабанов в окороках.*

*Шум, костер и тушенка из банок,
И “охотничья” водка – на стол.
Только полз присмиривший подранок,
Завороженно глядя на ствол.*

*А потом – спирт плескался в канистре,
Спал азарт, будто выигран бой:
Снес подранку полчерепя выстрел –
И рога протрубили отбой.*

*Егерей за кровожадность не пинайте,
Вы охотников носите на руках, –
Любим мы кабанье мясо в карбонате,
Обожаем кабанов в окороках.*

*Мне сказали они про охоту,
Над угольями тушу вертя:
“Стосковались мы, видно, по фронту, –
По атакам, да и по смертям.*

*Это вроде мы снова в пехоте,
Это вроде мы снова – в штыхи,
Это душу отводят в охоте
Уцелевшие фронтовики...”*

*Егерей за кровожадность не пинайте,
Вы охотников носите на руках, –
Любим мы кабанье мясо в карбонате,
Обожаем кабанов в окороках.*

Автор, на первый взгляд, как бы оправдывает охотников (*Егерей за кровожадность не пинайте, // Вы охотников носите на руках...*), рассматривая охоту на кабана как некую, вполне объективную, необходимость и даже «потребность», мотивированные добыванием кабаньего мяса (или кабанины) для изготовления дорогих и труднодоступных в советской стране деликатесных продуктов питания (*Любим мы кабанье мясо в карбонате, // Обожаем кабанов в окороках*). Но он видит охоту и как обусловленную также и неудержимой тягой снова взять в руки оружие и пострелять, причем обязательно по живым, движущимся целям (*“Стосковались мы, видно, по фронту, – // По атакам, да и по смертям. // Это вроде мы снова в пехоте, // Это вроде мы снова – в штыхи, // Это душу отводят в охоте // Уцелевшие фронтовики...”*).

Характерная ассоциация: *охота = война и кровожадность*. При этом жажда крови и в том и в другом случаях мотивирована исключительно обстоятельствами – наличием *дичи – врага*, которых следует обнаружить, поймать, застрелить, уничтожить, т.е. исходя из каких-то сиюминутных конкретных целей *лишить жизни*. Объект преследования, ловли, уничтожения воспринимается преследователями как желанная *добыча*, возможно даже бессмысленная, predetermined ситуативно. И главным тут оказывается азарт *слежки и погони*, действий нередко совместного порядка – коллективных, при которых участники как бы подогревают и стимулируют друг друга, побуждают к соревнованию. Кто первым попадет в облюбованную жертву? (*Только полз присмиривший подранок, // Завороженно глядя на ствол.*)

Это сравнимо также с основной идеей текста песни *Был побег на рывок...* (1977), где побег из сталинского лагеря представлен как *отстрел бегущей по снегу дичи* (двух эзков) – из военных винтовок, с лагерных вышек (*Пробрало! – телогрейка // Аж просохла на мне: // Лихо бьет трехлинейка – // Прямо как на войне!*), – что показано как жестокое «веселое развлечение» охранников, ажиотаж охоты на зверя, которому никак не уйти от пули: *Девять граммов горячие, // Аль вам тесно в стволах! // Мы на мушках корячились, // Словно как на колах...*

Не в первый раз встречаем мы у Высоцкого также жестокую, предопределенную самой советской действительностью, ассоциацию: *убегающий, стремящийся скрыться от погони*, объект целенаправленного преследования = гонимый охотниками заяц (*И запрыгали двое, // В такт сопя на бегу, // На виду у конвоя // Да по пояс в снегу*). Причем в данном сопоставлении отсутствует возможный в иных речевых ситуациях семантический оттенок «трусость», – на первый план выдвигаются, в свою очередь, *страх и невозможность уйти от погони, от пули* (*Вот и сказке конец, // Зверь бежит на ловца, // Снес – как срезал – ловец // Беглецу пол-лица...*).

Семантическая параллель *советский человек = загнанный заяц* нашла также весьма своеобразный поворот в текстах, написанных Вл. Высоцким к радиопостановке *Алиса в Стране Чудес*, по повести-сказке Льюиса Кэрролла, именно с помощью песенного оформления Высоцкого превратившейся в резкий и бескомпромиссный памфлет на *Страну Советов = Странную Страну = Страну Чудес = советскую действительность, тоталитарное общество* (*Много неясного в странной стране – // Можно запутаться и заблудиться... // Даже мурашки бегут по спине, // Если представить, что может случиться*).

Однако здесь, в радиопостановке, в *Песне Белого Кролика* (1973), на первый план выдвигается представление о *советском человеке как о загнанном зайце*, от которого всегда и во всем требуют невыполнимого, ограничивая его при этом нереальными сроками (*У нас в Стране Чудес попробуй что-то не доделай... // Вот и ношусь я взад-вперед, как заяц угорелый, – // За два кило пути я на два метра похудел*). Более того: *Но говорят, он в детстве не был белый, // Он опоздать боялся – и от страха поседел... И угорелый заяц уже даже не пытается убежать от своих преследователей, – потому что бежать ему некуда...*

Но возвратимся к предыдущему тексту и обратим внимание на характерную для творчества Вл. Высоцкого регулярную ассоциацию в песенных текстах: тот, кто *держит тебя на мушке*, берет на себя этим как бы функции самого Господа Бога (*...И осенили знаменьем свинцовым // С очухавшихся вышек три ствола*). Теперь исключительно от его произвола – и от царящего в стране беспредела – зависит, кому жить, а кому умереть (*Нам – добежать до берега, до цели, – // Но выше – с вышек – все предре-*

шено: // Там у стрелков мы дергались в прицеле – // Умора просто, до чего смешно).

Ощущение неизбежной, намеченной кем-то – сверху и свыше – жертвы (Мы на мушках корячились, // Словно как на колах) проходит в том или ином аспекте через все творчество Вл. Высоцкого, как проходит через всю его собственную жизнь и подчиняет себе всех, живущих в этой Странной Стране, которую некогда Борис Пастернак очень метко назвал *родина-уродина*. Однако если тюремные и лагерные охранники (ВОХРы), а также иные представители советских служб безопасности, которых поэт еще в 1968 году называл *загонщиками* (Охота на волков: Кричат загонщики, и лают псы до рвоты. // Кровь на снегу и пятна красные флажков), однозначно носят в текстах песен негативную окраску, то бывшие фронтовики, в том числе и *егеря* из текста *Охота на кабанов*, вызывают совсем другие эмоции. Они также были жертвами – тяжелого военного времени, суровой исторической необходимости (Ах, война, что ты сделала, подлая!..).

Поскольку военная тема в творчестве Вл. Высоцкого – это самостоятельная большая тема исследования, здесь мы на ней останавливаться не будем. Для нас важна сейчас только данная семантическая параллель: Мне сказали они про охоту, // Над угольями тушу вертя: // “Стосковались мы, видно, по фронту, – // По атакам, да и по смертям. // Это вроде мы снова в пехоте, // Это вроде мы снова – в штыки, // Это душу отводят в охоте // Уцелевшие фронтовики...”. Именно она дает в тексте песни *Охота на кабанов* дальнейшее развертывание сюжета и темы охота и охотники (Грязь сегодня еще непролазней, // Сверху мразь, словно бог без штанов, – // К черту дождь – у охотников праздник: // Им сегодня стрелять кабанов).

Как видим, уже в самом начале текста появляется знакомая тема Бога и Судьбы, предопределенности, от которой не уйти (Кабанов не тревожила дума: // Почему и за что, как в плену, – // Кабаны убежали от шума, // Чтоб навек обрести тишину). При этом идет целенаправленная травля зверя, беспомощной и обреченной жертвы охоты: Били в ведра и гнали к болоту, // Вытирали промокшие лбы, // Презирали лесов позолоту, // Поклонялись азарту пальбы.

Для преследователей это – долгожданный праздник, разрядка долго копившегося напряжения и, очевидно, негативных эмоций (Вылетали из ружей жаканы, // Без разбору разя, наугад, – // Будто радостно бил в барабаны // Боевой пионерский отряд). Причем праздник носит черты советского мероприятия идеологического характера, праздник, в который активно вовлечены дети (боевой пионерский отряд). И дети воспринимаются как будущие бойцы, воины, в руки которых скоро перейдет оружие фронтовиков. Тем самым, охота есть как бы репетицией фронта: здесь можно пострелять и есть, кого пострелять.

А зверь-жертва никаких положительных эмоций не вызывает: Шум, костер и тушенка из банок, // И “охотничья” водка – на стол. // Только полз присмиревший подранок, // Завороженно глядя на ствол. // А потом – спирт плескался в канистре, // Спал азарт, будто выигран бой: // Снес подранку полчерепа выстрел – // И рога протрубили отбой.

Не следует также забывать о том, где и для кого организуется такая охота. Поэт затрагивает «закрытую», запретную в СССР тему: официально запрещенная охота на дичь на территориях государственных заповедников, была, тем не менее, «разрешена», а точнее сказать – специально организована для представителей высшего партийного аппарата, или номенклатурных работников, начиная, прежде всего, с членов ЦК КПСС. Какой урон бесконтрольно наносится при этом природе еще более резко и бескомпромиссно выразил Вл. Высоцкий в следующей песне, текст которой мы позволим себе воспроизвести полностью, с минимальным комментарием:

Заповедник (1972)

*Бегают по лесу стаи зверей —
Не за добычей, не на водопой:
Денно и ночью они егерей
Ищут весёлой толпой.*

*Звери, забыв вековые страхи,
С твёрдой верой, что всё по плечу,
Шкуры рванув на груди как рубахи,
Падают навзничь – бери не хочу!*

*Сколько их в кущах,
Сколько их в чащах, –
Рёвом ревущих,
Рыком рычащих!*

*Рыбы пошли косяком против волн –
Чернай руками, иди по ним вброд!
Столько желающих прямо на стол,
Прямо на блюдо – и в рот!*

*Рыба не мясо – она хладнокровней:
В сеть норовит, на крючок, в невода.
Рыбы погреться хотят на жаровне:
Море по жабры – вода не вода!*

*Сколько их в дебрях,
Сколько их в чащах, –*

*Сколько ползущих,
Сколько летящих!*

*Птица на дробь устремляет полёт –
Птица на выдумки стала хитра:
Чтобы им яблоки всунуть в живот,
Гуси не ели с утра.*

*Сильная птица сама на охоте
Слабым собратьям кричит: “Сторонись!” –
Жизнь прекращает в зените, на взлёте,
Даже без выстрела падая вниз.*

*Сколько их в рощах,
Сколько их в чащах, –
Рёвом ревущих,
Рыком рычащих!
Сколько ползущих,
Сколько бегущих,
Сколько летящих
И сколько плывущих!*

*Шкуры не хочет пушнина носить –
Так и стремится в капкан и в загон.
Чтобы людей приодеть, утеплить,
Рвётся из кожи вон.*

*В ваши силки – призадумайтесь, люди! –
Прут добровольно в отменных мехах
Тысячи сот в иностранной валюте,
Тысячи, тысячи в наших деньгах.*

*В рощах и чащах,
В дебрях и куцах
Сколько рычащих,
Сколько ревущих,
Сколько пасущихся,
Сколько кишащих,
Мечущих, рвущихся,
Живородящих,
Серых и хищных,
В перьях нарядных,
Сколько их, хищных
И травоядных,
Шерстью линяющих,*

Шкуру меняющих,
Блеющих, лающих,
Млекопитающих,
Сколько летящих,
Бегущих, ползущих,
Сколько непьющих
В рощах и кущах
И некурящих
В дёбрях и чащах,
И пресмыкающихся,
И парящих,
И подчинённых,
И руководящих,
Вещих и вящих,
Рвущих и врущих –
В рощах и кущах,
В дёбрях и чащах!

Шкуры – не порчены, рыба – живьём,
Мясо – без дроби, зубов не сломать.
Ловко, продуманно, просто, с умом,
Мирно – зачем же стрелять!

Каждому егерю – белый передник!
В руки – таблички “Не бей!”, “Не губи!”.
Всё это вместе зовут “заповедник”,
Заповедь только одна: не убий!

Но сколько в дёбрях,
Рощах и кущах
И сторожащих,
И стерегущих,
И загоняющих,
В меру азартных,
Плохо стреляющих,
И предынфарктных,
Травящих, лающих,
Конных и пеших,
И отдыхающих
С внешностью леших;
Сколько их, знающих
И искушённых,
Не попадающих
В цель, разозлённых;
Сколько бегущих,

Ползущих, орущих
 В делях и чащах,
 Рощах и кущах;
 Сколько дрожащих,
 Портящих шкуры;
 Сколько ловающих
 На самодуры;
 Сколько типичных –
 Столько всеядных;
 Сколько их, хищных
 И травоядных,
 И пресмыкающихся,
 И парящих,
 В рощах и кущах,
 В делях и чащах.

Данный текст строится, прежде всего, на семантических парадоксах и параллелях, что создает эффект, можно было бы сказать, обличительного сатирического памфлета (*Бегают по лесу стаи зверей – // Не за добычей, не на водопой: // Денно и ночью они егерей // Ищут весёлой толпой*). С точки зрения русскоязычной фольклорной традиции, в тексте песни создается так называемый *мир шиворот-навыворот* – подчеркнуто неправильная картина мира, *мира наоборот*: *Звери, забыв вековечные страхи, // С твёрдою верой, что всё по плечу, // Шкуры рванув на груди как рубахи, // Падают навзничь – бери не хочу!*

Строки ...*С твёрдою верой, что всё по плечу, // Шкуры рванув на груди как рубахи...* прямо соотносят представления об описываемом «заповеднике» с тоталитарным СССР, более того – с его сталинской конфигурацией (*Звери, забыв вековечные страхи, // ... // Падают навзничь – бери не хочу!*). Поэт обращается при этом к избитым общеизвестным стереотипам «русской души»: *твёрдая вера, всё по плечу, рванув на груди... рубаху* (как символ чрезмерной простоты, откровенности, наивной непрактичности, до глупости, из которых и следует текстовый вывод – *бери их хоть голыми руками*).

Этот же прием нарушенного – и как бы параллельного истинному – порядка *картины мира* характерен, например, также для народного лубка: *Рыбы пошли косяком против волн – // Чернай руками, иди по ним вброд! // Столько желающих прямо на стол, // Прямо на блюдо – и в рот! И далее: Рыба не мясо – она хладнокровней: // В сеть норовит, на крючок, в невода. // Рыбы погреться хотят на жаровне: // Море по жабры – вода не вода!*

Однако фразу *рыбы пошли косяком против волн* не следует читать в данном случае как сопротивление существующему – государственному и политическому – порядку. В тексте, напротив, подчеркивается то, что все,

что делается в этом «неправильном», с точки логики, *заповеднике*, происходит вопреки законам природы. Нарушены законы естества, а также сами принципы бытия и сосуществования видов. Поэтому жертву можно не только брать голыми руками, но и топтать ногами (*иди по ним вброд!*). *Столько желающих прямо на стол* – т.е. готовых безропотно, либо даже добровольно, отдаться в руки своих палачей.

А последние не преминут заглотить столь легкую добычу, которая сама как бы *в рот просится* (*Прямо на блюдо – и в рот!*). Горькая ирония, доведенная в данном тексте до откровенного сарказма, дает некий эмоциональный пережест, создает ту ситуативную чрезмерность, которая вызывает и однозначное неприятие, и возмущение, подчеркнутые в том числе экспрессивным исполнением этой песни.

Экспрессивно негативную интенцию песни подчеркивают также такие приемы, как использование стереотипических штампов советского мышления и применение – частично либо целиком – пословичных компонентов в самых неожиданных контекстах, нередко при этом видоизмененных.

В первом случае это – *рыба хладнокровна, сама лезет в сеть, ловится на крючок*. В то же время каждая строка безусловно имеет глубокий подтекст, соотносимость с бытом и советской действительностью. Так, *рыба не мясо – она хладнокровней* ассоциативно влечет за собой представления об инертной, безответной, пассивной, забитой нищим существованием примитивной среде – как продукте тоталитаризма и идеологического воспитания. *В сеть норовит, на крючок, в невода...* – о легковёрности этой среды, без труда поддающейся на любую провокацию, себе же во вред. А вот строка *Рыбы погреться хотят на жаровне...* является в стихе знаковым моментом, т.к. людям в стране хронически не хватает тепла, отопления нет, либо оно настолько слабо, что приходится согреваться самым неожиданным образом – включенной плитой (газовой, электрической), утюгом (поднимает температуру в комнате на градус-два), кастрюлей с кипящей водой и проч.

Во втором случае это – *рыба не мясо и море по жабры (вода не вода!)*, вместо *море по колено* и что-то *по горло* (например – *сыт*). А далее в тексте мы встречаем перифразы пословиц и фразеологизмов: *птица на выдумки стала хитра* (*Голь на выдумки востра*, либо *хитра, быстра*.), *всунуть в живот (набить живот, брюхо)*, *рвётся из кожи вон (лезть из кожи)*. Иронический игровой языковой момент придает данной песне подчеркнuto грубоватую резкость.

Самоубийственная решимость, воспитанная тоталитарным обществом потребность брать на себя роль *жертвы* выражается аллегорией *охоты в заповеднике*: *Птица на дробь устремляет полёт – // Птица на выдумки стала хитра: // Чтобы им яблоки всунуть в живот, // Гуси не ели с утра*. Тем самым выстраивается как бы второплановая цепочка семантических вех – подставлять грудь под пулю; предпочесть такой жизни смерть; когда

человек голодный (повседневное состояние большинства), его можно «нафаршировать» чем угодно (в том числе и идеологически).

В то же время и среди жертв появляются хищники, готовые сами присоединиться к охотникам, урвать свой кусок на несчастье других, более слабых в контексте данного общества: *Сильная птица сама на охоте // Слабым собратьям кричит: “Сторонись!” – // Жизнь прекращает в зените, на взлёте, // Даже без выстрела падая вниз.* Как известно, камнем падает вниз, например, на облюбованную жертву *ястреб* и другие ловчие птицы. Хищных птиц охотники не стреляют, но используют их самих на охоте как помощников в *травле жертвы*. Это именно хищник *жизнь прекращает в зените, на взлёте* других, более мелких, птиц, а также разных небольших животных (зайцев, грызунов и проч.).

Утилитарный взгляд человека-охотника на представителей животного мира, человека-рыбака, человека-ловца, человека-преследователя, человека-промышленника, человека-убийцу, особенно остро звучит в следующих строках: *Шкуры не хочет пушнина носить – // Так и стремится в капкан и в загон. // Чтобы людей приодеть, утеплить, // Рвётся из кожи вон.* Абсурд ситуации Вл. Высоцкий передает гротеском: *В ваши силки – приздумайтесь, люди! – // Прут добровольно в отменных мехах // Тысячи сот в иностранной валюте, // Тысячи, тысячи в наших деньгах.* Убийство совершается исключительно ради корыстного интереса – денежной выгоды, бойкой торговли, деликатесной пищи (пушнина, перо, мясо).

Но в Советском Союзе к тем, кто сам не стоит у власти, от кого не зависит жизнь и судьба иных, отношение как к *животным*. Их используют, отягчают бессмысленной и часто непосильной работой – в колхозах, на фабриках, заводах, в лагерях и других местах заключения. Они воспринимаются как *винтики* в большом государственном механизме. Они бесправны и практически вообще не имеют права голоса. Они поступаются личной жизнью «во имя общего дела». И их жертвенность воспринимается как должное. Более того – человеческая жизнь в этом государстве ничто, она ничего не стоит. И сравнение Вл. Высоцкого *человек = зверь*, презираемый, унижаемый и уничтожаемый, убиваемый, есть проекция реальной тоталитарной действительности – сталинистской и постсталинистской.

Какой сарказм звучит в строках поэта: *Шкуры – не порчены, рыба – живьём, // Мясо – без дроби, зубов не сломать. // Ловко, продуманно, просто, с умом, // Мирно – зачем же стрелять!* И, более того, издевательски и лицемерно звучит последующее: *Каждому егерю – белый передник! // В руки – таблички “Не бей!”, “Не губи!”. // Всё это вместе зовут “заповедник”, // Заповедь только одна: не убий!* Убийство «в белых перчатках» (= чистыми руками) в русском литературном контексте ассоциативно обращает нас к противоположному, булгаковскому, где – на балу у Сатаны – мы встречаем *чекистов с кровавленными руками...*

При этом песенный параллелизм, характерный для народной культуры, усиливается в поэтическом тексте семантическими парами-оппозициями, которые расширяют и углубляют смысловой негативный контекст. Особенно наглядно это видно в «припеве» песни, где перечисляются, прежде всего, те, кто *охотится*, *загоняет зверье* и, соответственно, участвует в *охоте на людей*, в контексте так называемой системы *государственной безопасности*. Но прежде всего Высоцкий перечисляет *жертвы преследования*: *В рощах и чащах, // В дёбрях и куцах...*; *Сколько рычащих, // Сколько ревущих...*; *Сколько пасущихся, // Сколько кишащих...*; *Мечущих, рвущихся, // Живородящих...*; *Серых и хищных, // В перьях нарядных...*; *Сколько их, хищных // И травоядных...*; *Шерстью линяющих, // Шкуру меняющих...*; *Блеющих, лающих, // Млекопитающих...*; *Сколько летящих, // Бегущих, ползущих...* Постепенно и как бы «незаметно» описание *жертв* переходит в описание *палачей*: *...Сколько непьющих // В рощах и куцах // И некурящих // В дёбрях и чащах...*; *И пресмыкающихся, // И парящих...*; *И подчинённых, // И руководящих...*; *Вещих и вящих, // Рвущих и врущих –...*; *В рощах и куцах, // В дёбрях и чащах!*

Особенно остро и обличительно негативны характеристики *палачей-охотников* (т.е. *охотников быть палачами*, добровольно участвующими в отстреле зверей в *заповеднике*) звучат в завершающем фрагменте текста: *Но сколько в дёбрях, // Рощах и куцах // И сторожащих, // И стерегущих...*; *И загоняющих, // В меру азартных, // Плохо стреляющих, // И предынфарктных...*; *Травящих, лающих, // Конных и пеших...*; *И отдыхающих // С внешностью леших...*; *Сколько их, знающих // И искушённых...*; *Не попадающих // В цель, разозлённых...*; *Сколько бегущих, // Ползущих, орущих // В дёбрях и чащах, // Рощах и куцах...*; *Сколько дрожащих, // Портящих шкуры...*; *Сколько ловающих // На самодуры...*; *Сколько типичных – // Столько всеядных...*; *Сколько их, хищных // И травоядных...*; *И пресмыкающихся, // И парящих, // В рощах и куцах, // В дёбрях и чащах.*

Завершающий текст отрывок, на наш взгляд, можно оставить без комментария – он говорит сам за себя. В социальной оппозиции *человек – зверь*, в контексте советской и постсоветской действительности, проявления *зверства* присущи, скорее, первому. Именно *человек-охотник* характеризуется отсутствием души и сострадания к ближнему, именно он представляется «животным» (в значении «существо неразумное»). Он нарушает порядок мира – жизни, природы, гармонии бытия и сосуществования разных их форм.

Abstract

The hunt theme in Vladimir Vysotsky's songs

The texts by V. Vysotsky feature prominently the theme of "hunting" – for the game and for a human as the game. Non-humanitarianism of trailing, chasing and battle is thoroughly elaborated. This non-humanitarianism as Vysotski puts it is a sign of the totalitarian system which gives no room for a free individual. Both the humans and the game are deliberately annihilated for the pleasure of the high and mighty of this world. A common Soviet human being is a parallel of the baited game.

Keywords:

V. Vysotski's texts, hunting and battle, totalitarianism, Soviet Union

Abstrakt

Tematyka polowania w tekstach pieśni Włodzimierza Wysockiego

W tekstach W. Wysockiego został obszernie przedstawiony temat „polowania” – na zwierzynę i na człowieka jako zwierzynę. Niehumanitarność tropienia, pościgu i nagonki jest wszechstronnie omawiana. Postrzegana jest przez autora jako znak ustroju totalitarnego, w którym nie ma miejsca dla wolnej jednostki. Zarówno ludzie, jak i dzikie zwierzęta, są celowo unicestwiani, dla przyjemności możnych tego świata. Dokonywana jest paralela: człowiek sowiecki – zaszczute zwierzę.

Słowa kluczowe:

teksty Wysockiego, polowanie i nagonka, totalitaryzm, Związek Radziecki

